
А. П. АНДРЕЕВ, А. И. СЕЛИВАНОВ

ЗАПАДНЫЙ ИНДИВИДУАЛИЗМ И РУССКАЯ ТРАДИЦИЯ

В конце 20-го столетия вновь стала актуальной уходящая вглубь веков проблема взаимоотношения Запада и России как двух великих культурных путей. Понимая гностическую неисчерпаемость темы, сформулируем нашу позицию по отношению к сути и характеру этой дихотомии. Ибо именно здесь, в исследовании традиций Запада и России, сегодня раскрывается философская истина и логика постижения сущности планетарных социокультурных процессов, судьба России, поиск путей спасения её и всего мира, лежит ответ на главные и «вечные» вопросы, сформулированные человечеством.

1. Россия и Запад: мысли друг о друге

Со стороны Запада (Европы) всегда отмечалось устойчивое неприятие России в двух её образах: равновеликой ему геополитической державы и русского человека с его историческим правдоискательством и обретением универсальных смыслов бытия. Не секрет, что одна из основных целей Запада сегодня – не допустить национального возрождения России. Нельзя не видеть этой истины и недооценивать того, что пишут С. Хантингтон, З. Бжезинский, говорят европейские политики.

Чего же так боится капиталистический мир Запада? Сошлёмся на откровенное суждение Хантингтона в работе «Столкновение цивилизаций» (1993): «Конфликт между либеральной демократией и марксизмом-ленинизмом был конфликтом идеологий, которые, несмотря на все различия,

хотя бы внешне ставили одни и те же основные цели: свободу, равенство и процветание. Но Россия традиционалистская, авторитарная, националистическая будет стремиться к совершенно иным целям. Западный демократ вполне мог вести интеллектуальный спор с советским марксистом. Но это будет немыслимо с русским традиционалистом. И если русские, перестав быть марксистами, не примут либеральную демократию и начнут вести себя как россияне, а не западные люди, отношения между Россией и Западом опять могут стать отдалёнными и враждебными»¹. Проблема поставлена предельно точно и ясно.

Со стороны русских, напротив, это не было отторжением Запада, основанном на чувстве ненависти и вражды. «Критика Европы» не была агрессивным антизападничеством, независимо от того, был ли человек «славянофилом» или «западником». «Мы все европейцы», – говорил такой страстный поклонник православно-русского мессианства, как Ф. Достоевский. Критика Запада была, как верно подчёркивал В. Зеньковский, в значительной степени способом лучшего постижения особенностей русской традиции, духа и культуры русского народа и на этой базе нахождения исторического пути России. Беспощадная критика европейской духовности, вера в особое призвание России соединились со своеобразной любовью к Западу и уважением к его великой культуре. Русское восприятие Запада обречено «вечно» быть противоречивым в силу той экзистенциально-исторической антиномии, о которой Зеньковский писал: «Живучесть и актуальность темы об отношении России к Западу определяется одинаковой неустранимостью двух моментов: с одной стороны, здесь существенна неразрывность связи России с Западом и невозможность духовно и исторически изолировать себя от него, а с другой стороны, существенна бесспорность русского своеобразия, правда в искании своего собственного пути. Ни отделить Россию от

¹ Цитируется по: Москва. 1999. № 8. С. 212.

Запада, ни просто включить её в систему западной культуры и истории одинаково не удаётся»².

Приведём некоторые оценки Запада русскими мыслителями, опираясь на материал, собранный Зеньковским. Попав в плен к Западу в XVIII веке, русские критически отнеслись к «просвещению» Европы. «Божество француза – деньги... корыстолюбие несказанно заразило все состояния, не исключая самих философов... – писал Фонвизин в письмах из Франции, – французы, имея право вольности, живут в сущем рабстве... невежество дворянства ни с чем не сравнимо...»³ Одоевский писал в 1823 году: «То, что Чаадаев говорил о России, я говорю о Европе – и наоборот»⁴. На стороне Одоевского была тогда вся культурная Россия. Гоголь звал Запад к религиозному покаянию. В середине XIX века критика Запада «славянофилами» и «западниками» была развёрнута со всех точек зрения: философской, религиозной, эстетической, политической, социальной. Все они говорят о кризисе западной культуры, стараясь избежать ошибок Запада в философско-духовном развитии России. Они подчёркивали, что западный человек в сущности подменил духовность рациональностью, христианский гуманизм – секулярным, «вольтеровским». «На Западе, – пишет К. Аксаков, – душа убывает»⁵. Славянофил Хомяков пишет уже о «пустодушии» европейской культуры. Западник Герцен ужасается «духовным бесплодием» западного человека: «С каким-то ясновидением заглянул я в душу буржуа, в душу рабочего и ужаснулся... Куда ни посмотришь – отовсюду веет варварством – снизу и сверху, из дворцов и из мастерских... Современное поколение имеет одного Бога – капитал... Наше время – эпоха восходящего мещанства и эпоха его тучного преуспевания»⁶. Данилевский в отличие от других русских мыслителей не критикует

² Зеньковский В. В. Русские мыслители и Европа. М., 1997. С. 63.

³ Там же. С. 15.

⁴ Там же. С. 23.

⁵ Там же. С. 44.

⁶ Там же. С. 57.

западный дух в его онтологических основах. В своём учении о культурно-исторических типах он борется с европейским мессианством, которое считает свою культуру единственно истинной, «общечеловеческой», и по этой причине Европа агрессивна, пытается навязать свою культуру другим народам, подчинить и подавить чужие культуры. Интересно отметить, что в итоге анализа славянского типа Данилевский пишет: «Особенно оригинальной чертой славянского типа должно быть в первый раз имеющее осуществиться удовлетворительное решение общественно-экономической задачи»⁷. Эта мысль была потом развита у народников (Михайловский и другие), Л. Толстого, Бердяева, евразийцев, в русском марксизме (Плеханов, Ленин и другие). К. Леонтьев прямо говорит о вырождении Западной Европы. С позиций своего эстетического аристократизма и культа силы (как позже Ницше) он пишет: «...средний рациональный европеец в своей смешной одежде... с умом мелким и самообольщённым, со своей ползучей по праху земному практической благонамеренностью... Возможно ли любить такое человечество?...»⁸. Евразиец Н. Трубецкой указывает: «...европейская цивилизация производит небывалое опустошение в душах европеизированных народов, в то же время непомерное пробуждение жадности к земным благам и греховной гордыни являются верными спутниками этой цивилизации»⁹. Л. Толстой, Достоевский, В. Соловьёв, Фёдоров, Бердяев главную «неправду» Запада справедливо видели в «неправде» общественного строя и того «исторического христианства», которое «предав И. Христа», освящало и охраняло западную традицию.

Таким образом, пережив к тому же тотальный разлом народной жизни в жуткое «чёрное десятилетие», мы можем лучше понять, что главной причиной культурно-морального кризиса («заката Европы») явилось не «отвержение Бога» европейским человеком и поклонение «обезбожен-

⁷ Зеньковский В. В. Русские мыслители и Европа. М., 1997. С. 73.

⁸ Там же. С. 78.

⁹ Там же. С. 85.

ному человеку как Богу» («путь человекобожества»), о чём писал, в частности, И. Аксаков в 80-х годах XIX века, а бытийные начала буржуазного духа (сущностью которого являются индивидуализм, частная собственность, духовное отчуждение человека). Критика Европы не только как секуляризованной, но как «буржуазной» (Белинский, Герцен, Чернышевский, народники, Сорокин, Фёдоров, Бердяев, евразийцы, русские марксисты и другие) была более точной и продуктивной. В этой «борьбе с Западом» (теоретически) открывались пути России. Россия не должна и не может повторить буржуазно-индивидуалистический путь, но на основе усвоения, заимствования всех великих материальных и духовных достижений Европы, синтеза её культуры и своей идти самобытным путём в границах русской традиции, в соответствии с социально-нравственным идеалом русского духа – таков основной вывод русской мысли на протяжении двух столетий. Можно утверждать, что *вся история России есть не что иное, как борьба за Традицию, за возможность жить, как велит русский дух.*

2. Традиция как философская категория

У нас до сих пор широко распространены, за редким исключением, концепции, особенно в конкретных науках¹⁰, в которых традиция осмысливается как «отвлечённое начало», как способ принудительной, стандартной, шаблонной организации жизни какой-либо исторически возникшей общности людей. Традиция как консервативный, застывший «опыт прошлого», объективированный в виде жёстких стереотипов и образцов мысли и поведения («паттернов», по выражению К. Юнга)¹¹. В такой интерпретации это по-

¹⁰ Например, в этнографии, этнологии, политологии, где понятие традиции используется преимущественно в аспекте анализа «ритуалов», «обычаев», «национальной психики» или популярного сейчас понятия «менталитет».

¹¹ В значительной мере именно в этом понимании применяется понятие «традиция» (как «предание», «обычай», «ментальность» и т. д.), например, в работе: Курашов В. И. *Нация в общечеловеческом и российском измерениях.* Казань, 1999. С. 6, 11.

нятие противопоставляется «живой», «настоящей» и «органической» жизни, например, народа. В отличие от этого мы считаем онтологической сущностью Традиции – антропоцентризм. Традициология есть антропология. Человек является смыслонесущим центром традиционного национального бытия, а традиция – функция самоопределения человека. Собственная историческая сущность индивидуального и общественного бытия человека, проявляющаяся в его эмпирической истории, и есть Традиция. Она есть с нашей точки зрения живой и органический канон человеческого бытия, в котором исторический человек находит устойчивую опору (гарантированное бытие) для материального и духовного существования, обретает чувство «достоверности бытия», доверие к жизни; находит свои предельные экзистенциальные смыслы и интересы (что становится приоритетной, свободно принимаемой системой ценностей и потому становится для него высшим авторитетом, священным), эталон должного поведения; осмысливает свою жизнь, находит объединяющий «центр жизни» (прежде всего духовной), каковым для него являются убеждения и верования своего народа и свои собственные, а также основные культурные ценности. В итоге это позволяет исторически действовать человеку в меняющихся социальных и природных обстоятельствах в соответствии с духом своего народа и даёт ему возможность оставаться, быть самим собой. Традиция – не антитезис творчеству исторического человека. Напротив, в ней отражён объективный смысл развёртывания в истории национального духа, мотивируется с учётом национальной культуры целеполагание, набор средств и содержание его деятельности. Традиции не «следуют», её не «соблюдают» – в ней человеческий индивид живёт в меру доступной ему полноты человеческого бытия. В традиции отражается (и закрепляется в ритуале) «кристаллизованное богатство» бытия человека и народа. Традиция не есть внешняя, феноменальная социальность человека. Речь идёт о сущностных первоосновах (в том числе и морально-нравственных) общественной ткани любого со-

циума. Традиция – это метафизическое основание бытия культуры, антропологический костяк, дух и тело культуры, язык бытия, сущность человеческой онтологии. Человека нельзя «научить» традиции, как таблице умножения. Каждая традиция фиксирует основные, всегда конкретно-исторические мировоззренческие и ментальные установки «человеческой экзистенции», осмысленные на основе своего «культурно-исторического типа» (Данилевский), специфики «своей» цивилизации. Естественно, говоря о духе народа, мы имеем в виду его умопостигаемую сущность, а не все эмпирические формы проявления национального духа.

Схожие взгляды развивает В. Кутырев, который рассматривает традицию как факт «передачи» бытия, противоположностью которого может быть только его утрата – ничто. «Традицией можно называть, – пишет он, – область сохранения меняющихся характеристик любого предмета, когда он рассматривается как социокультурный феномен. Традиция – это проявление универсалий бытия, иммунная система общества, фундамент и субстанция культуры. Проблема традиции является социокультурной формой проблемы сохранения сущности чего угодно. Это проблема идентичности, тождественности, самости и самобытности явлений»¹². Обозначив методологически наш философский принцип традиции как судьбы человека и народа, попытаемся выяснить ключевые особенности европейской и русской традиций.

3. Западный человек

Сущность западного человека европейской традиции заключается в либеральном индивидуализме как базовом принципе организации жизни общества. Именно в нём сокрыты причины и духовного взлёта, материального прогресса, и того глубочайшего духовного падения, доходяще-

¹² См.: Кутырев В. А. Традиция и ничто // *Философия и общество*. 1998. № 6. С. 182.

го до отторжения гуманизма, которое происходит на наших глазах.

Концепция индивидуализма оформилась в эпоху Возрождения и получила философское обоснование в Новое время, утвердив самоценность индивидуальной человеческой души, её принципиальную несводимость к другим смыслам и ценностям бытия. Однако закономерно эволюционируя от аристократизма и представляя как рефлексия эгоизма буржуазного человека, эта позиция утратила своё изначальное прогрессивное значение. «Личность» эпохи Возрождения и отчасти Просвещения в результате социальной трансформации (главным образом религиозной реформации, ранних буржуазных революций в Западной Европе, секуляризации европейской науки и культуры) переродилась в «индивида» (индивидуума), на основе которого организуется «гражданское общество». Человеку в таком обществе нет надобности в поисках внеэкономических смыслов, он становится мыслящим деятельным прагматическим индивидом, активность которого обращена во внешний мир в целях его познания, преобразования и подчинения. В этом – суть духовного наполнения современной европейской традиции. В сообществах людей такого типа личность не может быть ни воспроизведена, ни сохранена. Индивид – это «единственный» (Штирнер), «одномерный» (Маркузе) человек, тогда как личность – это целостный человек, стремящийся к духовным (метаэкономическим) основам человеческого общежития, в частности любви к человеку и справедливости – этой сути гуманизма, позволяющей человеку духовно возрастать, находить в себе человека¹³. Капитализм оказался враждебным личности и потому он похоронил старую веру аристократического индивидуализма в человека, основанную на «теории естественного права» Руссо, Канта, Фихте и на признании благой, доброй и справедливой природы человека. Сейчас плохо воспри-

¹³ См.: Булгаков С. Н. Свет невечерний. М., 1994. С. 271.

нимается ссылка на К. Маркса. Сошлёмся на его принципиального критика Бердяева, который отмечал, что личность человека в европейской традиции дегуманизируется и деградирует в своих универсальных основах бытия, указывая причину этого: «...нет начала более враждебного личности, чем пресловутая буржуазная собственность и буржуазное право наследства»¹⁴. Именно циничный эгоцентризм и бездуховный солипсизм, ставшие главной ментальной ориентацией западного человека, являются основой разрушения личности. У нас Достоевский точно воспроизвёл аналог психологического строя «индивида» в своих «Записках из подполья». «Свету ли провалиться или мне чаю не пить? Я скажу, что свету провалиться, а чтобы мне чай всегда пить», – так говорил «подпольный» человек у Достоевского. Вопрос «о чае» – философский, этический¹⁵, который западный человек решает как индивидуалист – он стремится быть маленьким суверенным божком, отъединённым от других людей и общества правовой безличной регламентацией человеческого бытия, ничему не поклоняться и ни перед чем не благоговеть, кроме рынка, буржуазного потребительского духа, гедонизма. Это происходит ввиду того, что духовная жизнь личности востребовывается промышленностью не целиком, но лишь как функция капитала, как индивид, теперь – как носитель информации. Всё остальное из области духа за ненужностью постепенно атрофируется. Производственно-потребительская активность омещанившейся человеческой жизни, исключительно материальный этос привели к примитивизации духа. Начала же социализации, коллективизма, прорывавшиеся в Европе в виде социалистических движений, были использованы односторонне – буржуазно эгоистически вывернуты, смяты и отброшены. На смену им пришла индивидуалистическая тотальность нации и союзов наций,

¹⁴ Бердяев Н. А. Новое религиозное сознание и общественность. М., 1999. С. 153.

¹⁵ См.: Бердяев Н. А. Философия творчества, культуры и искусства. М., 1994. Т. 2. С. 229.

устремившихся к реализации своей жажды власти¹⁶, в XX веке превращая в одномерного индивида целые общества, нации: люби только свой народ, своего вождя, добивайся власти над другими – вот причинная цепь развития метафизики индивидуализма, находящего своё социальное подкрепление в маргинальных слоях населения, в чеховском «мещанине», собственнике-буржуа, оставшемся «в футляре» повседневной посредственности. Даже справедливость понимается как согласование (баланс) принципов и интересов (инстинктов мещанина)¹⁷. Но это уже – не истинная справедливость.

Этот индивид, в который переродилась личность Возрождения, абсолютно непропорционально унаследовал её установку: «я – центр мира, самый лучший, властный сверхчеловек», сделав этот принцип опасным для всего человечества. Западный человек (и в США, и в Европе), подобно штирнеровскому «единственному», хотел бы весь мир сделать «своей собственностью». Но на практике каждый раз после такой безумной попытки он вынужден испытывать иллюзию «пирровых побед», оставляя Европу со «свободой, покоящейся на небытии, с духом ...опустошённым» (Бердяев). Этому способствует и природа пресловутой европейской демократии – ведь и древнегреческое, и древнеримское, и современное европейское общества, основанные на человеке-гражданине (индивиде), а не человеке-личности, жили и живут за счёт плоти и крови *других* – рабов, илотов, наёмных рабочих, колонизированных народов.

¹⁶ История не знает нетоталитарного бытия людей, основывающегося на тотальных свойствах человека и тотальных принципах организации человеческой жизни. Но типы тотальностей (и типы демократий) различны, и лишь идеологическое прочтение истории может поставить на одну планку принципиально противоположные типы обществ, каковыми являлись, например, фашизм и национал-социализм, с одной стороны, и русский коммунизм – с другой (см., например: Ивин А. А. Введение в философию истории. М., 1997), или русская (истинная) и европейская демократии. Даже кафковский «Замок», оруэлловский «1984», а ещё раньше «Легенда о Великом инквизиторе» Достоевского – больше социально-философская пародия на *европейский* тип тоталитаризма, чем на российский.

¹⁷ См.: Дж. Ролз. Теория справедливости. Новосибирск, 1995.

Прямое или косвенное рабовладение есть alter ego западной демократии, принцип её бытия. Всё это – закономерный путь развития индивидуализма, как бы возвышенно он ни начинался в момент своего становления.

Итак, современный западный человек «родился» от индивидуалистической традиции, которая реализовала изначальный посыл христианства (тайна и проблема человека в том, что он не человек) в пользу материального бытия человека, для которого отчуждение от человечности, человеческого целостного духа и стало «гарантированным бытием». Только перестроившись таким образом, западный человек смог выжить в период кризисной трансформации европейского духа в Новое время. Художественным символом этой «смены умов» стала фаустовская душа «человека-гражданина», пытавшегося в своей химической реторте увидеть зародыш появления нового человека, та душа, которая, по мнению Шпенглера, была сутью европейского человека. С. Булгаков так писал о сущности западного материального этоса: «С ростом богатства мир всё более становится хлопочущей о многом Марфой, и невольно забывается скромная Мария со своим «единым на потребу». Антагонизм между материальной и духовной цивилизацией неискореним, и мещанин всегда будет удерживать свободный полёт человеческого духа»¹⁸.

Европейский индивидуализм, его тип рациональности и разумности (а точнее – рассудочности) в конце XIX–начале XX века подорвал веру западного человека в абсолютную мощь разума, породив свою компенсаторную реакцию – дух позитивизма, который усилил идеал индивидуализма с его экзистенциальной замкнутостью и самоизоляцией. Для позитивистского духа жизнь человека полностью тождественна человеческому существованию, не имеет никаких метафизических и таинственных смыслов. Для позитивиста никаких «тайн» и «загадок» в человечности (и бесчеловечности) нет. «Люди – те же лягушки, только на двух ногах, –

¹⁸ Цит. по: Бердяев Н. А. Новое религиозное сознание и общественность. М., 1999. С. 375.

считал Базаров, – ...изучать отдельные личности не стоит труда... Достаточно одного человеческого экземпляра, чтобы судить обо всех других. Люди, что деревья в лесу...»¹⁹ Позитивист похож в этом отношении на язычника, для которого человеческая жизнь не проблема, а «просто жизнь», которую надо прожить, как положено, достойно. В позитивистской традиции в понимании «просто жить» (достойной жизнью) ослаблены многие ценности гуманизма (политические, правовые, эстетические, нравственные и т. д.²⁰). Духовность окончательно переродилась в рациональность; «странная жизнь» (А. Блок) перестаёт быть традицией. Реализация потенций прагматического разума, подчинение посредством него всего мира Европе и обретение на этой основе ощущения достоверности человеческого бытия стало важнейшей особенностью формирования европейской традиции, метафизически-гносеологические корни которой можно суммировать так: всё должно быть организовано согласно порядку прагматичной разумности. Жёсткая регламентация поведения личности, поддерживаемая традициями протестантизма и позитивизма, управляемость жизни общества, становятся нормой жизни европейских народов – экономической цивилизации.

Однако при этом, как доказывает современная история, становится неуправляемым стратегическое развитие (с удалёнными целями), оказывающееся подчинённым законам сиюминутной выгоды – рынка. Прагматизм и рациональность всё чаще становятся неразумными, неадекватными дальней стратегии и экзистенциальной ситуации. Ибо такому «разуму», примитивизировавшемуся до простейших арифметических операций – плюс-минус, умножить-разделить (все остальные потребности разума и духа поставлены в услужение этой финансовой арифметике) – и доводящему

¹⁹ Тургенев И. С. Соч.: В 12 т. Т. 7. М., 1981. С. 78.

²⁰ См. их анализ в книге: Кувакин В. Твой рай и ад: человечность и бесчеловечность человека (Философия, психология и стиль мышления гуманизма). СПб., М., 1998. С. 182–258.

позитивистский дух до уровня «Абсолюта», стало всерьёз казаться, что весь мир предельно прост и подвластен законам арифметики. Чистой кантовской морали теперь нет места – мораль, гуманизм остались (в лучшем случае) на уровне индивидуальности, перестав быть регуляторами общественной жизни, утратив механизмы воздействия на социальные процессы и институты²¹. Могущественные социальные организмы (в особенности политические и финансовые) стали аморальными и антигуманными, оказываясь опасными для человечества и угрожая антропологической катастрофой – поскольку понятно, что гуманистическая катастрофа есть преддверие катастрофы антропологической. Произошло эпохальное поражение европейского человеческого «Я», бывшего предметом размышлений в философии Нового времени у Фихте и Канта, создавших величественный, возвышенный *миф* о человеке как свободном, моральном, деятельном существе. В реальной истории, особенно в XX веке, европейский человек действовал вопреки идеалам этих философов. Он их предал. Он остался глух и к мудрым предостережениям своих великих писателей (Торо, Эмерсона, Гамсуна, Голсуорси, Киплинга, Ивлина Во, Фолкнера и др.), писавших о «буржуазной порочности» западного человека, духу которого стала чужда евангельская мораль любви, милосердия и сострадания, нестяжательства. Ибо кризис европейского гуманизма выразил суть бытия индивидуалистического социума, основанного на общей либеральной интенции: «позволяйте делать (кто что хочет), позволяйте идти (кто куда хочет)». Исторический человек в западной традиции освободил себя от идей европейского гуманизма с его идеалом – человеческий человек, пошёл по пути социального и военного насилия и себя, и других, причём насилия не с помощью идей (российский вариант), а с помощью вещей и оружия (за-

²¹ Даже швейцеровская концепция благоговения перед жизнью оказалась непонятой на Западе. В России же она имела своего выдающегося предтечу Л. Толстого, оказавшего, в отличие от воздействия Швейцера на Европу, огромное влияние на духовное совершенствование русского самосознания.

падноевропейский вариант). Даже сам гуманизм европейского обывателя (индивида) чужд «милости к падшим» (бедным и униженным), он планируем и расчётливо-холоден, легко превращается в свою противоположность – антигуманизм.

Вообще говоря, гуманизм любви к человеку и «разума сердца» в Европе всегда бытийствовал в локальных социально-духовных нишах – либо привносясь христианско-евангельской верой (Ф. Ассизский, Мать Тереза, М. Л. Кинг), чуждой индивидуалистической рациональности, либо ищась во вне – то в индийской духовности (Шопенгауэр, Гессе и многие другие), то в русском духовном опыте Толстого, Достоевского, Рериха (А. Швейцер, К. Льюс и др.). Полагаем, что принципы гуманизма, всегда бывшие на обочине европейской рассудительной прагматики, *формально* удержались до середины XX столетия как результат испуга фашизмом. Но теперь антигуманизм вышел на арену в полный рост – как обратная и сущностная сторона рациональной прагматики. В локальных военных конфликтах конца XX столетия западный человек так низко пал, что если после второй мировой войны среди интеллектуалов Европы возник вопрос: «Можно ли после Освенцима верить в Бога?», то сейчас впору задать вопрос более радикальный: «Существует ли Бог?», вопрос, на который исторический человек всегда будет давать разный ответ. Высветился и сделался актуальным и кантовский вопрос: «Существует ли в действительности человек?». США и европейские страны в локальных войнах конца ушедшего столетия умножили цену исторического антигуманного деяния «трансцендентального субъекта» XX века, которая и без того страшно велика, не может быть ни оправданной, ни искупимой. «Если мы, – писал Фолкнер, – в Америке дошли в развитии нашей безнадежной культуры до того, что вынуждены убивать детей, каковы бы на то ни были причины... мы заслуживаем гибели и, очевидно, погибнем»²².

²² Цит. по: Советская Россия. 1999. 16 сентября. С. 5.

Крушение великой европейской гуманистической идеи²³, ставшее особенно очевидным после событий в Югославии, быть может, становится последней вехой в развитии западной культуры. Поскольку теперь сама Европа, не прикрытая ни одеждами нацизма, ни жупелом американизма, своим ядром, в виде стран, породивших великую европейскую культуру и давших миру Леонардо да Винчи, Декарта, Гёте, Канта, Маркса, Бетховена, Швейцера, выступает как империалистическая «союзная сила» под циничными предложениями «предотвращения гуманитарных катастроф», «нарушения прав человека» и тому подобными лицемерными лозунгами. Европейский империализм, о бесчеловечной агрессивности которого писали многие русские и европейские мыслители, открыто встал на путь антигуманизма. Европа, принеся миру образцы высочайшего взлёта человеческого духа, отвернулась от идеалов гуманизма. Здесь уместно вспомнить бердяевское: Бог человек, человек бесчеловечен. Эгоистический псевдогуманизм обретает своё истинное лицо, перерождаясь в ксенофобию, лицемерную политику двойного стандарта. О таком «гуманизме» так пишет известная публицистка К. Мяло: «Какая уж тут Герника, какой Пикассо – полное нравственное бессилие, сопровождаемое таким же культурным бессилием»²⁴. Потому что индивидуализм не может быть основой истинного гуманизма – гуманизма и для себя, и для другого (для всех), основой которого (и одновременно идеалом человеческой духовности во все эпохи) были жертвенность, служение иному, будущему, долгу.

Таким образом, социальное отчуждение человека, бывшее предметом размышлений марксовской философии, через индивидуализм достигло своей предельной ступени – «че-

²³ Гуманистов объединяет нечто общее. «Этим общим является, – пишет В. Кувакин в своей новой интересной книге, – ярко выраженные человечность, любовь и уважение к человеку, забота о нём, о его свободе, достоинстве, благе, общении, праве и ответственности и многом другом, с чем связывали они идеалы подлинного человека, его достойного образа жизни». (Кувакин В. Указ. соч. С. 41.) Как это мало похоже на военно-политическую практику США и Европы!

²⁴ Мяло К. Право на историю // Наш современник. 1999. № 8. С. 165–166.

ловеческого одиночества». Основные экзистенциальные характеристики этого нового феномена, которого не знал западный человек до капитализма, глубоко осмысливались на Западе Кьеркегором, французскими экзистенциалистами, такими писателями, как Гессе, Кафка, Музиль, Фолкнер, Апдайк. Чувство абсолютной покинутости, оставленности Богом, людьми, обществом, утрата экзистенциальных опор жизни (парменидовской интуиции Бытия) – вот суть понятой ими эволюции кризиса европейской идеи гуманности и индивидуализма. Напротив, антигуманность становится опорой (гарантией) устойчивого и надёжного существования во всех социальных слоях западного общества. Мир оказывается страшен не оружием даже, а вывертом смыслов. Потому отчаяние у честного труженика на Западе вызывают не столько «рыночные» законы, по которым приходится жить, а то, что исчезло бывшее духовное и психическое пространство, в котором он жил до них. Заметим, что с этим мироощущением сейчас столкнулся российский человек, что подмечено в романе М. Бутова «Свобода»²⁵. Главный герой романа хочет обрести достоверность бытия, где все и вся (вещи в том числе) являются «самоё себя». Итог же трагичен – «взгляд на жизнь» с позиций сумасшедшего состояния. Можно утверждать в итоге, что в буржуазном обществе произошло не просто отчуждение от человека продуктов его материальной и духовной деятельности, но отчуждение человека в предельном смысле – человек становится чужим самому себе, своей традиции, своему бытию, *человеческому в человеке*.

Можно ли спасти классический европейский человеческий Дух – Дух Прометея, а, следовательно, другие культуры от бесчеловечности современного западного человека? Мы не знаем ответа на этот вопрос. Возможно, его вообще нет. Но, далёкие от апокалиптики, приведём два факта. Современный учёный-американист О. Платонов, анализируя

²⁵ Новый мир. 1999. № 1, 2.

состояние американского духа, делает вывод: Америка фатально обречена, и поэтому она в ближайшие десятилетия погибнет (по данным института Харриса, лишь 17% американцев готовы отстаивать традиционные американские ценности, связанные с достижением более высокого уровня материальной жизни, а 66% – предпочли бы создание более гуманного образа жизни)²⁶. А вот «новый взгляд на открытое общество» Дж. Сороса, пытающегося спасти своей критикой общие принципы либерализма. Он считает, что западно-либеральная система тоже рискует погибнуть от ...рационалистического индивидуализма, «если наша система не будет скорректирована признанием общих интересов, которым следует отдать предпочтение перед интересами частными»²⁷. В чём же спасение?

4. Русская традиция

Сначала отметим, что, как и в любом другом типе национальной духовности, в русском духе, русской традиции есть свои достоинства и недостатки, неотделимые друг от друга – ибо нет идеальных или, наоборот, порочных культур. Это особенно важно подчеркнуть, если мы говорим о характере русского народа в его антиномичности, о чём писал в своё время Бердяев²⁸. В своей противоречивости это и есть та самая таинственная русская душа, которая освоила евразийский континент и принесла на него мир и спокойствие. Об этой необъятности, безмерности и полярности русского национального типа Достоевский устами Дмитрия Карамазова заметил: «Широк человек, я бы сузил». Русским народом, считал Бердяев, «можно очароваться и разочароваться, от него всегда можно ждать неожиданностей, он в высшей степени способен внушить к

²⁶ См.: Платонов О. Почему погибнет Америка // Наш современник. 1998. № 10. С. 189.

²⁷ Цит. по: Кутырев В. А. Устойчивое общество: его друзья и враги // Москва. 1999. № 3. С. 162.

²⁸ См., например: Бердяев Н. А. Русская идея (О России и русской философской культуре). М., 1990. С. 44–45.

себе сильную любовь и сильную ненависть. Это народ, вызывающий беспокойство народов Запада»²⁹.

«Русская идея», на наш взгляд, есть комплексное понятие для обозначения характера русской традиции и её состояний. Она представляет собой целостность, которая включает в себя *идею-дух (идею-смысл)* и *идею-цель*. Русская идея как дух и смысл метафизична и по-разному реализуется в различные эпохи, обретает конкретные земные формы (идеи-цели), но никогда полностью недостижима. Каждая идея-цель как конкретно-историческая форма идеи-смысла безусловно есть её проявление – и потому утрата всякой социальной формы каждый раз столь трагично воспринимается русскими мыслителями, русской душой. Но ни одна конкретная историческая форма идеи-смысла в действительности не есть её единственный или окончательный вариант, её нельзя считать полностью реализованной в какой-то конкретной социальной форме. Идея-дух ищет себя, одновременно стремясь к уничтожению всякой, им же порождённой, социальной формы, не обретая себя в царстве земном, всегда оставаясь в царстве духовном. Каждое земное утверждение русской идеи – результат очередной, лишь временной победы «царства кесаря» над «царством духа», вновь и вновь вызывающее дух к творчеству и борьбе. Причём всякая идея-цель определяется идеей-смыслом, принципами организации духа (традицией) и жизнеспособна лишь в том случае, если отвечает ему. С другой стороны – качества самого духа во многом определяются формой очередной реализации, земным способом осуществления бытия духа.

Базовые метафизические принципы организации духа русского народа, русской идеи известны и нет оснований для их пересмотра: коллективизм, братство; в сфере духа – соборность, духовная община; державность и патриотизм; высокая духовность, правдоискательство, доходящие до свободы от материального своекорыстия; свобода духа,

²⁹ См., например: Бердяев Н. А. Русская идея (О России и русской философской культуре). М., 1990. С. 43–44.

доходящая до анархичности; социальная справедливость, основанная на добре и правде; дионисичность, мессианство и безудержная творческая активность духа, его стихия и противоречивость; терпеливость, значительный консерватизм как восточная традиция; этика любви и коллективного спасения; благородство и великодушие, всепрощение и жертвенность; сила духа, способность к гигантской концентрации физических и духовных усилий; мужество и самопожертвование во имя правды или «общего дела». Эти принципы существуют как органическая система, отличающая русских в их мировоззрении, культуре, психике от других мировых культур. Социально-духовная бытийная явленность этого комплекса в историческом пути русского народа, России и составляет то, что мы называем русской традицией, являющейся смыслом и содержанием «русской идеи». В ней (в традиции) раскрывается сущность (природа) русского народа.

Основанием социализации русского духа является *коммунотарность*, которую блестящий гений Бердяева раскрыл как коренное свойство русского народа, сущность его общинного сознания, как свойство, противостоящее индивидуализму и буржуазности духа, германской идее господства и могущества, есть желание братства людей и народов³⁰. «Русский народ самый коммунотарный в мире народ, таковы русский быт, русские нравы», – совершенно справедливо писал Бердяев³¹. Многими другими русскими философами (С. Трубецкой, Флоренский, С. Булгаков, Франк, Лосский) и писателями также подчёркивалась способность русского человека к непосредственному единению душевной жизни через «чуткое восприятие чужих душевных состояний», «открытость души в отношении к чужому "я"»³². Коммунотарность – толкатель русской души, который до-

³⁰ Бердяев Н. А. Русская идея // Бердяев Н. А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века. Судьба России. С. 219.

³¹ Там же. С. 86 и др.

³² См.: Лосский Н. О. Характер русского народа // Лосский Н. О. Условия абсолютного добра: Основы этики; Характер русского народа. М., 1991. С. 258.

полняется *страстностью* и *могучей силой воли*, исканием абсолютного добра и «жизнью по сердцу», максимализмом и порой неумеренным употреблением силы, умением замечать и побеждать свои недостатки и любовью к красоте³³.

Сущностью социального бытия русской традиции является коллективизм, который выступает не просто как вид социальности, но как тип мировоззрения и ментальности, традиции, порождающей свой тип человека. Это такая альтернатива, которая в принципе противостоит несправедливости и неравенству, отрицает рабство одного человека перед другим. Коллективизм – естественный способ организации человека в обществе. И не только потому, что большинство индивидов несовершенно, но также по причине сниженного потенциала созидательности социального порядка в демократических сообществах (что поняли уже древние). Всякая попытка доказать преимущества индивидуализма на уровне абстрактных теоретических рассуждений – декларируемых свободы, равенства возможностей, беспристрастности права и прочих внешних красот демократии – не выдерживает критики и опровергается самой жизнью. История доказывает, что без большой коллективно значимой цели человек перестаёт быть человеком, возвращаясь к животному состоянию. Индивидуализм предстаёт как примитивизация высших форм человеческой жизнедеятельности, направленной на поглощение созданного, пользование сущим и деконструкцию организованных форм сущего. Коллективизм есть более высокий уровень организации человека, способный (кроме всего прочего) порождать, обуславливать надындивидуальные цели и ценности, становясь гарантированной защитой от обездушивания и прагматизации разума. Именно в коллективизме (и только в нём) создаются условия для диалектического преодоления антиномии «мир для меня» – «я для мира» на основе холистского видения: *«я вместе с другими для ми-*

³³ См.: Бердяев Н. А. Судьба России // Бердяев Н.. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века. Судьба России. С. 263–273, 292, 304–306.

ра». Принцип целостности бытия, целостности человеческого духа (кроме идеи Бога; он, по нашему мнению, единственный Абсолют в мире) становится здесь метафизической основой организации человеческой жизни, способной преодолеть современную «раздробленность» духа. Только целостность как принцип организации коллективистской общности («соборность» у Хомякова, «всеединство» у В. Соловьёва, «коммунитарность» у Бердяева, София-«целомудрие» у С. Булгакова) способна стать средством для тех, кому «нужно, чтобы человек был хорош» (Бахтин). Только коллективно человек способен любить, миловать, спасать, созидать. Ибо здесь на первый план выходит не эгоистическая любовь к себе, но любовь к другому – христианская «любовь к ближнему» и русское развитие этого – «любовь к дальнему» в пространственном и временном смыслах (дальнему географически, дальнему-прошлому, дальнему-будущему).

Далее. В русской традиции не является сакральной частная собственность. Мироощущение русского человека никогда в истории не возводило историческое право собственности в «естественное право». Напомним, каким убеждённым противником купли-продажи земли был Л. Толстой. «Всемирно-историческая задача России, – пишет он, состоит в том, чтобы внести в мир идею общественного устройства земельной собственности. Русский народ отрицает собственность, самую прочную – земельную». Собственность не благо, а зло, грех, отступничество от евангельского Христа, который её судил. Поэтому «душа России – не буржуазная душа» (Бердяев). Главным в учении о человеке в русской философии, заметил А. Лосев, был социализм³⁴. Это – общая тональность всей русской мысли за прошедшие два столетия.

Антибуржуазность русской традиции, нелюбовь русских к богатству, социалистический национальный идеал³⁵

³⁴ См.: Лосев А. Ф. Философия. Мифология. Культура. М., 1991. С. 512.

³⁵ Подробнее об этом см. в работе: Андреев А. П. Мысли Н. А. Бердяева о судьбе России и современность // Философский космос России. Уфа, 1998. С. 11–12.

связаны с тем, что русская душа – не позицивистка. Русский человек не может полюбить жизнь прежде её смысла. Когда утрачивается смысл, выходящий за пределы материального бытия, он не хочет трудиться над общественным и личным благоустройством. Для русского человека жизнь полна сакрального, мистического смысла, нацеленного на поиск «потаённого бытия», скрытого смысла вещей и человеческих явлений. Этот метафизический (магически-потаённый) смысл явлений мотивирует поступки русского человека, те, которые противоречат здравому смыслу, эмпирическому опыту, но ведут к прорыву в новую духовную реальность. Сошлёмся на героев русских народных сказок – Ивана-дурака, Емелю, «чудиков» из рассказов В. Шукшина. Как правильно пишет великий русский советский писатель А. Платонов, русский человек «каменный, ещё зеленеющий мир превращает в чудо и свободу». В своей волшебной любви к революции и женщине Степан Копенкин в «Чевенгуре» ревниво осматривает куст, так ли он тоскует по Розе Люксембург; в противном случае он ссекал куст саблей. Незначительные, обыденные смыслы русскому человеку не нужны. *«Всё есть, а вместе с тем ничего нет»*, – чисто русское восприятие нынешней российской смуты. «Утратив цель и смысл бытия, российской душе трудно, непривычно (и даже неприлично) истово заботиться о нуждах тела, – пишет А. Неклесса. – Трудно обустроить мир, в котором нет великих далей... Отсюда, повидимому, мелкость обсуждаемых в России тем и замыслов, почти сплошь экономических, вернее сказать, экономистических, ибо их показной экономизм – симулякр, скрывающий нищету и растерянность голого прагматизма»³⁶. Правильно подметил Бердяев – русскому народу свойственно философствовать, «русский безграмотный мужик любит ставить вопросы философского характера – о смысле жизни, о Боге, о вечной жизни, о зле и неправде, о том, как осуществить Царство Божие»³⁷.

³⁶ Неклесса А. Творческий континент Россия // Москва. 1999. № 8. С. 117.

³⁷ Бердяев Н. А. Судьба России // Бердяев Н. А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века. Судьба России. С. 68.

Другой сильнейшей интенцией русского духа, не терпящего духовного насилия и легче переносящего насилие социальное, насилие над своим телом, является свободолюбие. Так, Ф. М. Достоевский противопоставлял русскую идею, основанную на совести и свободе духа, римской идее, основанной на принуждении духа, на насилии законов и условностей общества, порядка, организации – над духом³⁸. Однако свободолюбие сосуществует со специфическим пониманием державности. Русский народ – народ державы. По большому счёту, смысл и цель русского духа, стержень установок России – охрана огромного евразийского пространства от разрушения, разграбления и уничтожения природы человеком, обустройство Евразии и сохранение её единства и стабильности, континентальная ответственность за Евразию, основанная на толерантности, уважении и любви к иным культурам и признании их самоценности, на коллективной защите. И при этом «русский народ, по духовному своему строю, не империалистический народ»³⁹. Государство само по себе для русского не самоцель (особенно, когда оно есть, когда оно крепко, обеспечивает спокойствие и благополучие; как не замечается тело, когда ничего не болит). Проблема государства выходит на первое место лишь тогда, когда что-то ломается и мешает духу жить. Истинным устремлением было всегда и остаётся сейчас царство духа, мировая империя духа, но не империя пространств, которая есть лишь необходимое средство⁴⁰.

В нашей литературе в основном обращается внимание на авторитарный принцип организации исторической российской государственности. Нам же хотелось бы подчеркнуть не политический, а философский аспект – идеократический способ государственного объединения русских людей. Российское государство без национально-мессианской

³⁸ Бердяев Н. А. Судьба России // Бердяев Н. А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века. Судьба России. С. 134.

³⁹ Там же. С. 188.

⁴⁰ Подробнее см.: Селиванов А. И. Бытие и постижение развивающихся миров. Уфа, 1998.

идеи, направленной как «во вне», так и «внутри» – исторически никогда не существовало. Власть российского государства всегда распространялась и на души русских людей, беря ответственность не только за их материальное благополучие, но и за «спасение» их душ. Идеократия была источником эксплуататорского характера российского государства, чем оно исторически отличалось от западноевропейских. Отсюда анархизм в русской душе по отношению к русскому государству (как к насилию и уже потом – злу), которое, однако, всегда в конечном счёте преодолевается уважением к нему (потому что государство как принцип – благо). Правильно понятая философия российского государства позволяет отличить так называемый «советский тоталитаризм» от западной антирусской (антисоветской) его интерпретации. Приведём точные, на наш взгляд, слова: «Что такое тоталитаризм? Это мобилизация всех сил, – пишет С. Куняев. – Это подчинение личной воли – народно-государственной необходимости, это табу на все излишества, варианты, версии, эксперименты в материальной и духовной жизни. Это ограничение права во имя долга. Вообще вся русская жизнь – это не жизнь права, а жизнь долга. Поскольку великое русское государство рождалось и жило в экстремальных исторических условиях, на тех широтах, где невозможны великие цивилизации, возникло, как «пламя в снегах», и где его рождение и развитие потребовали от народа и его вождей столь нечеловеческого, тоталитарного, мобилизационного напряжения на протяжении сотен лет, а значит, такого рода постоянный «тоталитаризм» есть естественное состояние русской жизни и русской истории. И для нас сей термин не должен быть каким-то пугалом. Без «тоталитарной прививки» к нашему историческому древу мы не могли бы существовать»⁴¹. И не сможем, добавим мы. Альтернатива одна – разрушение и уничтожение страны, а через это – и каждого человека (личности) в отдельности. Звёздным часом российской державности

⁴¹ Куняев С. Поэзия. Судьба. Россия (книга воспоминаний и размышлений) // Наш современник. 1999. № 4. С. 189–190.

поэтому был советский период нашей истории. Разрыв русской традиции произошёл не в 1917, а в 1991 году. «Я считаю советский период, – справедливо убеждён А. Зиновьев, – вершиной российской истории. Не будучи апологетом коммунизма, я считаю этот период поистине удивительным. Пройдут века, и потомки будут с изумлением, с восхищением изучать это время, поражаться, как за удивительно короткий срок в стране, жившей в кошмарно трудных условиях, было сделано так много. Да, было и много плохого, были преступления, ошибки, разочарования. Но всё равно это была величайшая эпоха в истории России и один из величайших феноменов в истории человечества»⁴². Лучшее о пассионарности русского духа не скажешь!

Этика русского духа в существе своём есть *этика коллективного спасения*, любви и активного добра, совести как коммюнитарного регулятора, этика справедливого воздаяния, сбережения нравственного бытия, самоотвержения, всепрощения, всеединства, уважения к иному. Моральное сознание русских (как хорошо показал Достоевский) – это и сознание страдания (и сострадания), преображающегося в счастье. «В горе счастья ищи», – поучает Алёшу Зосима. «Давно не болела, Бог забыл...», – говорили старухи в русской деревне. Моральное сознание русских потрясено горькой участью человека в мире. Отсюда – моральные мотивы русского атеизма, социализма. В этом смысле прочитываются резонирующие слова Бердяева: «...нельзя в нашу эпоху не быть социалистом, оставаясь в пределах моральности»⁴³. Основная моральная интенция – страдание – причина того, что русский народ всегда готов к тяготам и лишениям, к страданиям; его стоицизм не знает границ. Эта особенность русских определила антропологическую специфику русской культуры. «У русской культуры, – пишет И. Ильин, – одна-единственная проблема: в ней сердце ищет преображения в страдании посредством свободного

⁴² Зиновьев А. А. Посткоммунистическая Россия. М., 1996. С. 198.

⁴³ Бердяев Н. А. Новое религиозное сознание и общественность. М., 1999. С. 166.

созерцания. Вот ключ к русской религии, поэзии, музыке, живописи – к русской душе»⁴⁴.

Именно любовью и страданием познает и живёт («очищается») русский человек. Поэтому уже в древности проявилась свойственная русским историческая жертвенность во имя счастья и сохранения народов России, бескорыстие и геополитическая мудрость. История свидетельствует о том, что более 200 этносов, живших ранее на территории Западной Европы, исчезло с лица Земли⁴⁵. Россия же со своим материально-духовным опытом, в том числе общения с другими народами, не только сохранила все свои этносы, но не раз спасала собственные народы и народы Европы от завоевания и уничтожения. Лишь погоня за материальными благами, буржуазный дух, принесли на постсоветское пространство вражду и взаимное уничтожение.

Считаем, что сегодня только предложенный русской культурой великий альтернативный вариант, в основе которого лежит идея коллективного спасения, всечеловечности, показывает путь истинного гуманизма и перспективу развития человечества. Военно-политическому радикализму Европы можно и нужно противопоставить социально-этический радикализм, заключающийся в выдвижении социалистических идей и в уподоблении им человеческих способов бытия, которые уважают право человека на свою историю, социально-национальную Традицию, вбирающую в себя объективный исторический смысл духа своего народа. Наш радикализм рассчитан на коренное «преображение» общественного бытия нации в соответствии с духом Русской Традиции и в её пределах. Идеалом будущего «устойчивого общества», как правильно полагает В. Кутырев, является «*homo vulgaris*, человек традиционный, исторический и гуманный. Человек в границах своей меры, которая задаётся культурой»⁴⁶.

⁴⁴ Ильин И. Указ. соч // Москва. 1996. № 6. С. 182.

⁴⁵ См.: Осипов Г. В. Россия: национальная идея и социальная стратегия // Вопросы философии. № 10. 1997. С. 6–7.

⁴⁶ Кутырев В. Устойчивое общество: его друзья и враги // Москва. 1999. № 3. С. 163.

Конечно, коллективистский способ человеческого бытия тоже может породить свою противоположность – антигуманизм. Однако мы верим, что будущее состояние человеческого духа за коллективизмом, т. к. цели (идеалы) коллективистских обществ способны выражать прогрессивную органическую национальную идею и пассионарную энергию «прорыва» к социальной справедливости и свободе, к освобождению от люциферических искушений человека – культа власти и богатства. Цели коллективистских обществ, реализуемые порой не так и не полно, несут в себе великую гуманистическую идею, тогда как индивидуализм изначально выдвигает низменные и неприглядные в самой своей сути идеи-цели – своекорыстие, алчность, властолюбие. Поэтому коллективизм – это прорыв «демократической» оболочки рабства к справедливости, свободе личности, свободе народов. Поэтому основная проблема, которую сегодня решает русский человек, носит общечеловеческий характер.

5. О будущем России

Небольшое гносеологическое пояснение. Во всякой традиции человек находит смысл бытия, который при этом не рационализируется (это удел философского сознания). Применительно к традиции можно говорить лишь о «гнозисе» в его старом метафизическом (религиозном) смысле как живом и конкретном переживании (вере) смысла бытия своего мира, народа, как диалектическом синтезе мыслей и верований многих поколений. Поэтому человек должен быть «консерватором» по отношению к гнозису («истинам») традиции, уже открытым в прошлом. Всякие призывы к «созданию новой национальной идеи» представляются нам поэтому политическим субъективизмом и релятивизмом по невежеству. «Истина не с меня начинается, – отмечал Бердяев, – и я бы не поверил в истину, которая с меня началась бы... Раскрытие истины мной, моим поколением лишь продолжается и я обязан быть не только революционером, но и консерватором»⁴⁷.

⁴⁷ Бердяев Н. А. Новое религиозное сознание и общественность. М., 1999. С. 5.

Для нас очевидно, что та идея-цель, которую выстрадало русское мировоззрение, начиная с Радищева, пусть противоречиво, но реализовалась в условиях социализма. Социализм на практике раскрыл тайну народа, которую пытались спекулятивно и мистически постигнуть русские мыслители. Да и был он скорее не социализм в европейском и марксистском смысле этого понятия, а попыткой построения моральной общины на основе государственного насилия. Произошло то, о чём мечтали многие русские философы прошлого и начала 20-го столетия – «духовно-культурный подъём самих недр русской народной жизни»⁴⁸, раскрытие его духовной активности. Потому что социализм (русский коммунизм), в чём мы согласны с Бердяевым, Зиновьевым и другими авторами, близок характеру русского народа и других народов России. Он усиливал этот характер, помог мощно проявиться ему. Тот самый характер, который, выработываясь веками, «складывается однажды в его истории, складывается раз и навсегда»⁴⁹. Самобытный тип души, который был выработан её историей и навеки утверждён, со второй половины XX века начинает действительно утверждать себя положительно в мощи, в творчестве, в свободе, на что уповал в своё время Бердяев⁵⁰. Сейчас, в ситуации ощущения преданности, униженности, оскорбления национального духа должно начаться рождение новой политической формы, которая оформляет нашу идеократию на основе, верим мы, возвращения к русской традиции. Русский национальный дух не умер, он возрождается и возродится, ибо «духовная жизнь не может быть угашена, она – бессмертна»⁵¹. Именно дух русского народа, с нашей точки зрения, – отправная методологическая идея всех историсофских построений, имеющих целью «спасение» России.

⁴⁸ Бердяев Н. А. Судьба России // Бердяев Н. А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века. Судьба России. С. 287.

⁴⁹ Зиновьев А. А. Указ. соч. С. 325.

⁵⁰ См.: Бердяев Н. А. Судьба России // Бердяев Н. А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века. Судьба России. С. 283.

⁵¹ Там же. С. 217.

Социально-политические события последних 2-3-х лет ушедшего тысячелетия рельефно показали, что до сих пор можно с уверенностью сказать о нашем народе словами И. Ильина: «Россия – это не пыль и не хаос. Это – прежде всего великий народ, не промотавший свою силу». Это подтверждается обобщёнными данными социологических опросов 1995–1999 годов, показывающими современное состояние русского духа: 87% – сторонники государственной собственности в ведущих отраслях экономики, свыше 80% – против купли-продажи земли; стремление к спокойной совести и душевной гармонии, семье и дружбе как основным жизненным целям (ценностям) выражает около 90% россиян. Установку «просто жить» и «зарабатывать деньги» приняло около 2% россиян. Государство по-прежнему остаётся идеократическим началом, и 85% россиян считает, что оно должно нести ответственность за повышение материального благосостояния каждой семьи (а не заниматься формальным обеспечением прав и сбором налогов). И именно государство (по русской психологии) должно выдвинуть и обосновать некоторую всеобщую *цель* (начало начал конструктивного системного строительства), принимаемую в качестве российской национальной идеи⁵². При этом пора понять, что только если поднимем, укрепим русский дух, изменим общественный строй России, – вернётся сила, противостоящая и спасающая человека от агрессивной идеологии «золотого миллиарда» протестантов. Человека надо учить быть народом – важно выступить, не устраситься, как в своё время от Куликова поля, и тогда дух русского народа вернётся к своему национально-социальному идеалу, своей традиции. Ибо Русская Традиция – вот единственный и предельный источник нашей силы, «мужества быть», которое способно принять на себя все тревоги, заботы и надежды русского бытия в период «страшных лет России». *Традиция или небытие.*

⁵² См.: Андреев А. Экономика «виртуальная» или реальная? // Москва. 1999. № 5. С. 116–118.